ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Б.А. Ерзнкян

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-40-48

Развитие институционализма не ограничилось переходом от старой теории к новой: меняется время, меняется и поведение экономических агентов – носителей, вольных или невольных, институтов, будь то формальных, или неформальных, – институтов, которые, в свою очередь, сами выступают объектом изменений. Такой характер изучаемого объекта ставит перед исследователями непростую задачу: выявить с помощью меняющихся (развивающихся, адаптирующихся) инструментов находящуюся в состоянии постоянного развития (эволюции) суть современных и могущих состояться в перспективе институтов. В статье излагаются системная логика институтов, причины институциональных перемен, в особенности вызванных нынешней пандемией, освещаются проблемы и перспективы развития институциональной экономики с экосистемных позиций. Учет последнего обстоятельства предполагает выход за рамки собственно системного подхода к исследованию институциональной системы за счет включения особенностей взаимодействия изучаемой системы с релевантной ей метасистемой, образующей с ней функциональное единство и потому трактуемой в совокупности в качестве экосистемы.

© Ерзнкян Б.А., 2021 г.

Ерзнкян Баграт Айкович, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории стратегии экономического развития, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, профессор кафедры институциональной экономики; Государственный университет управления, Москва, Россия; lvova1955@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00335.

Ключевые слова: институциональная экономическая теория, системная логика институтов, носители институтов, изменения в реальности и в теории, проблемы и перспективы развития теории, пандемия, экосистемный подход к институтам.

Классификация JEL: A12, B41, B52.

ВВЕДЕНИЕ

Многие проблемы институциональной экономики возникают из-за неоднозначного понимания места и роли институтов и их носителей. Обычно практикуется дихотомическое толкование как институтов, так и их носителей, причем как в отношении к самим себе, так и в отношении друг к другу.

Традиционно проводится различие между формальными и неформальными институтами. Новая институциональная теория, возникшая после Второй мировой войны, акцентирует внимание на формальных институтах, в то время как в старом институционализме основное внимание концентрировалось на неформальных институтах. Те же исследователи, которые, например, как Д. Норт (1997), хотят уйти от такого рода дихотомии, стараются учесть их в совокупности, системно. Как это сделать, как обеспечить их конгруэнтность в единой институциональной системе?

Иного рода дихотомия отличает приверженцев методологического индивидуализма от сторонников институционального холизма. Чтобы уйти от дихотомии «индивидуалисты–холисты», опять-таки требуется системное видение носителей институтов. Специфика поведения экономических агентов – рационального *per se* или институционально обусловленного – будет зависеть от системного контекста. Вопрос заключается в том, какова специфика этого контекста.

Институты – непосредственно или опосредованно – присутствуют и при управлении экономикой, в котором наличествует дихотомия рыночных и административных

инструментов, хотя такое их деление «в значительной мере условно и далеко не всегда релевантно действительности» (Львов, 2002, с. 88).

В целом эти и другие дихотомии не касаются сути их элементов. И это не случайно, поскольку, несмотря на долгую историю институциональной теории, единого определения институтов так и не выработано. Сказанное относится и к их носителям: одно дело люди рациональные, другое – ограниченно рациональные, третье – руководствующиеся институтами, четвертое – эмоциональные, пятое – поддающиеся стадному чувству и т.д. и т.п. Фокус *старых исследователей* – неформальные нормы поведения, шаблоны, привычки, стереотипы мышления, убеждения и пр.; фокус *новых* – формальные плюс неформальные правила.

Линию «формальная–неформальная» можно дополнить иными формами противопоставлениями, например структурными, имея в виду способность институтов различным образом структурировать человеческие взаимодействия. Здесь важно, что с формальной точки зрения институты, характеризующиеся как формальные, подлежат безусловному соблюдению, хотя на практике нередки случаи – в силу тех или иных причин – их игнорирования. Так, например, директивы Европейского парламента и Европейского совета (European Parliament and of the Council) в отношении повторного использования очищенных сточных вод выполняются не строго, а выборочно – в зависимости от сложившейся в конкретной стране неформальной институциональной системы, о чем свидетельствует сопоставительный институциональный анализ (Yerznkyan, Fontana, 2019, pp. 20–21).

Понимание характера имеющихся и могущих возникнуть проблем необходимо для более или менее реалистичного выстраивания перспектив развития институциональной экономики. И здесь не обойтись без системного, более того – экосистемного – взгляда на суть институциональных представлений о месте и роли как институтов, так и их носителей.

Но для этого необходим переход от фрагментарности знаний к экосистемности!

1. СИСТЕМНАЯ ЛОГИКА В ПРИЛОЖЕНИИ К ИНСТИТУТАМ

Мы разделяем взгляд Г.Б. Клейнера (Клейнер, 2008) на представление системы в виде четырех подсистем: объектов (с определенной формой, но без определенной конфигурации жизненного цикла); сред (без определенной пространственной формы и без определенной конфигурации жизненного цикла); процессов (без определенной пространственной формы, но с определенной конфигурацией жизненного цикла); проектов (с определенной формой и с определенной конфигурацией жизненного цикла).

Придерживаясь такого же взгляда, представим институт в роли четырехзвенной системы, а именно объектной, средовой, процессной и проектной (Ерзнкян, 2016, с. 141).

Как *объект* институт встречается в числе системных атрибутов у А. Грейфа, трактующего его как систему «правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения» (Грейф, 2013, с. 56). Стремление дать институциональную трактовку организации демонстрирует и Дж. Ходжсон, добившийся такого же признания у Д. Норта. «Думаю, – пишет Норт, – что для определенных целей организации можно рассматривать как институты, но для моих целей организации отделяются от институтов. То есть меня интересуют макроскопические аспекты организации, а не ее внутренняя структура. Если бы в центре внимания была последняя... я бы заинтересовался внутренней структурой, управлением и, разумеется, всеми внутренними проблемами структуры, организации и конфликта интересов» (цит. по: (Hodgson, 2006, p. 19)). Объект подлежит более глубокому осмыслению, не редуцируя его только к организациям, ина-

че невозможно объяснить всего спектра значений института. Он должен включать и иные объекты: юрисдикции, клубы и пр., равно как деньги и прочие объекты различной природы.

Институт как *среда* является, пожалуй, наиболее популярным и распространенным понятием. Различные определения институтов – расширительные и (или) конкретизированные, в том числе классическое определение Дугласа Норта об институтах как правилах игры, отличных от самих игроков (Норт, 1997), – включают системы норм и правил, регулирующих принятие решений. Норт, фокусирующий внимание на правилах игры (*rules of the game*), тем самым делает акцент на значимости институциональной среды (*institutional environment*). Г.Б. Клейнер на свой же вопрос – какое место занимают институты в системной типологии? – отвечает: «очевидно, институты как системы правил, структурирующих социальные взаимодействия, являются типичными средовыми системами».

В роли *процесса* институт встречается у О. Уильямсона, который говорил о значимости структур, или институтов управления (*institutions of governance*), и экономической организации, структурирующей поведение вовлеченных в нее агентов. Автор делает акцент именно на *процессе игры*, ее представлении: *play of the game* (Williamson, 2000). Такое сочетание – *play* и *game* – может показаться необычным, но именно стремление рассмотреть вместо правил игры ее представление во времени и пространстве позволило ему акцентировать внимание на структурах (механизмах, устройствах, институтах) управления; выявить издержки в местах стыков технологических процессов и осуществления транзакций, одним словом, – продвинуться в понимании природы экономической организации. Дополнительно поясним, что в слове *play* акцент делается на игровом процессе, в то время как в слове *game* – на игре как совокупности всех с ней связанных атрибутов, включающих не только процесс игры.

И наконец, трактовка института как *проекта* является относительно новым явлением,

но не в плане самого проекта, а в отношении его интерпретации как такового. Если трактовать систему как средство решения проблемы, что равнозначно проекту, то убеждения, верования и им подобные категории также можно проинтерпретировать в качестве эффективных средств – бессрочных или долгосрочных – жизнеобеспечения и деятельности людей. Такого рода категории составляют суть *неформальных норм – институтов*. При этом, если формальные институты ассоциируются с внешней средой, то неформальные – с внутренней. Хотя «*среда*», скорее, относится к внешнему, чем внутреннему, миру, именно она освобождает человека от оков ортодоксии: «свободная деятельность пронизана привычками и рутинами и пропитана культурой и структурами системы, в которой оно осуществляется. Институты, скорее, – внутреннее содержание социальной жизни, нежели ее границы» (Ходжсон, 2003, с. 205–206). Обращаем внимание на то, что без свободы не осталось бы места для выбора и относительно детерминированный характер поведения стал бы абсолютным (Ерзнкян и др., 2014). Между свободой и детерминированностью институционально обусловленное поведение людей кодифицировано, но не фатально!

2. ПЕРЕМЕНЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Причины перемен разнообразны. Вот некоторые из них.

Появление неоднозначных взглядов на природу различий между институциональной экономикой и экономическим мейнстримом (ортодоксией, неоклассикой в своей традиционной основе или инерции) (Lawson, 2005; Hodgson, 2006).

Усиление размежевания экономистов, в том числе приверженцев институциональной теории, обусловленное не столько вну-

тренними (парадигмы, школы, течения) причинами, сколько *внешними* по отношению к науке (идеология, политика).

Заинтересованность экономистов в продвижении собственных воззрений, или их ангажированность, которая может быть искренне добровольной (Ерзнкян, 2005) или невольной, вынужденной (Freu, 2009).

Простота математического описания *versus релевантности* экономических процессов.

Пересмотр/корректировка собственных воззрений представителей современной институциональной экономики различной направленности: переход от понимания институтов как детерминирующих протекание экономических процессов, в том числе роста (North, Thomas, 1973), к к точке зрения, не трактующей институты с позиции их эффективности (North, 1981), поскольку властные элиты «создавали систему прав собственности в своих интересах, а транзакционные издержки вели к доминированию обычно неэффективных прав собственности», не способствующих продуцированию экономического роста (Норт, 1997, с. 22). Более того, Дж. Ходжсон решил заменить свое же понятие *нисходящей причинной обусловленности* (*reconstitutive downward causation*) более адекватным понятием *нисходящих причинных эффектов* (*reconstitutive downward effects*). Он ввел это понятие из-за отсутствия релевантности в причинно-следственном объяснении природы связей. Замена каузальности более нейтральным термином *эффекты* заострила вопрос о том, чья теория – Дарвина или Ламарка – лучше подходит для передачи характера институциональных изменений, их динамики и эволюции (Hodgson, 2011).

Усиление внимания к финансовой сфере, что проявилось в возобновлении интереса к длинноволновой динамике экономического и институционального развития и в стремлении дать ответ на вопрос, *действительно ли неконтролируемый рост финансового сектора стал катализатором мирового финансового кризиса*. В поиске ответа целесообразно об-

ратиться к *техничко-экономической парадигме* К. Переса и неуклонному росту финансовой сферы – как ведущей подсистеме современного транзакционного сектора (Перес, 2011).

Усиление внимания к проблематике власти. Анализируя проблему власти в институциональной экономической теории, В.Е. Дементьев (Дементьев, 2004) отмечает методологическую ограниченность транзакционного подхода для анализа проблем власти и предлагает включить эти проблемы в предмет экономического анализа. А.Н. Олейник развивает идею представления власти по схеме «от диады к триаде»: если в неоклассике они рассматриваются разве что в контексте рыночной власти, то «политологи и социологи, для которых проблемы изучения власти отнюдь не находятся на периферии исследовательской программы, понимают власть иначе: помещают ее в контекст взаимодействия между людьми» (Олейник, 2011, с. 19).

Также отметим, что *учет вышеотмеченной длинноволновой динамики* вносит коррективы в привычные проблемы взаимодействий институтов и их носителей, поскольку последние на разных стадиях (фазах) развития ведут себя по-разному. Так, в фазе процветания (позолоченного века – *golden ages*) притупляется бдительность многих экономических агентов, возникают финансовые пузыри и эйфория от, казалось бы, бесконечно долгого процветания.

Если такое возможно по отношению к событиям, повторяющимся регулярно в полвека, то такое тем более возможно по отношению к событиям, случающимся гораздо реже и хронологически нерегулярно, но неизбежно (отдельная тема – ожидаемая «неизбежность», вызванная безответственным поведением, – «разгильдяйством» чиновников всех уровней и многих стран). Речь идет об эпидемиях чумы, холеры и т.п., главным образом – о пандемии.

Как институциональная экономика реагирует на COVID-19? Учит ли теория способам реагирования на повторяющиеся, хотя и не со стохастической вероятностью (как в случае

К-волн) события, воздействующие де-факто и на институты, и на их носителей, и на всю социально-экономическую систему в целом?

Поскольку институциональная экономика как наука насчитывает немногим менее 100 лет, а такого масштаба всемирной катастрофы (если не считать Второй мировой войны) за это время не было, то понятно и отсутствие механизмов защиты или хотя бы попыток их выработки средствами теории.

3. ПРОБЛЕМЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ COVID-19

В обычной ситуации институты и их носители в той или иной степени (в какой – зависит от контекста исследования и самих исследователей) взаимодействуют друг с другом в конкретной проблемной ситуации. Определив проблемы и построив целереализующую систему, можно добиться ее решения.

В случае с COVID-19 сама проблемная ситуация оказывается заложницей неподвижных обстоятельств. Формулировка проблемы становится задачей трудно формализуемой и выполнимой, поскольку сам характер взаимодействия институтов и их носителей трансформируется, не говоря уж о переменах в них самих.

Возьмем, к примеру, предприятие. COVID-19 является для него стратегическим фактором. Почему? На входе имеются труд, капитал, предпринимательская способность, на выходе – готовая продукция. Экономическая эффективность зависит от производственной функции (*economizing*). COVID-19 же, оказывая средовое воздействие на предприятие (*strategizing*), трансформирует саму функцию (Yerznkyan, 2017). Характер такой трансформации непредсказуем, тем более что под средовым воздействием оказываются и все остальные ресурсы.

Проблема усугубляется тем, что характер происхождения пандемии может быть

разным: стихийным, неосознанно или вполне сознательно рукотворным. Если даже предположить, что COVID-19 не был сознательным порождением (хотя все говорит в пользу того, что он был именно таковым), такое более чем возможно.

4. ЭКОСИСТЕМНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Перспективы развития институциональной экономики определяются способностью корректно выявлять проблемы и адекватно на них реагировать.

Например, проблемная ситуация несоответствия институтов их носителям может привести к различным проблемам, например к дегуманизации институтов, когда они имеются, но не поддерживаются своими носителями (Ерзнкян, 2019), что может привести к нейтрализации или ослаблению [действия] институтов, вплоть до их подрыва (Ерзнкян, 2017). Разрешение заинтересованными лицами проблемной ситуации будет зависеть от того, *как будет сформулирована проблема*.

При формулировании проблем желательно избежать некоторых довольно типичных ошибок, касающихся, в частности, игнорирования *логики длинноволнового развития экономики*. Так, хорошо известно, что инерционное по своей сути продолжение осуществления «инвестиций в расширении бесперспективных производств уходящего технологического уклада и проволочка с наращиванием инвестиций в производства нового технологического уклада – типичные для развитых стран ошибки, усугубляющие структурный кризис, в том числе и в России» (Глазьев, 2018, с. 33). Это относится и к институтам поддержки технологического уклада: институциональное подкрепление еще не доминирующего уклада должно смениться сознательным институциональным подрывом – «созидательным разрушением» прежне-

го уклада, который препятствует становлению и формированию нового технологического уклада.

Институциональная экономика как яркий представитель другого канона – альтернативной экономической науки, основанной на опыте и противостоящей абстрактной стандартной теории (Райнерт, 2011, с. 60), – всегда отличалась от ортодоксии большей реалистичностью. Такое отношение к институциональной теории было в высшей степени свойственно и Д.С. Львову, который исходил в постановке и решении исследовательских задач прежде всего из смысла реальных проблем (Львов, 2008).

Перспективы развития теории кроются в придании ей еще большей реалистичности за счет инкорпорирования в нее элементов *нерегулярной динамики*, когда такие факторы, как пандемия или *смерть конкуренции* (термин Дж. Мура (Moore, 1996)), деформируют и трансформируют привычные воздействия институтов и их взаимодействия со своими носителями, выходя за рамки длинноволновой динамики и обычной системной логики. Будущее – за поиском нестандартных решений – непростых, но абсолютно необходимых! И таким решением видится *развитие экосистемных представлений* об институтах и их носителях.

Динамику развития экосистем бизнеса можно проследить, следуя В.Е. Дементьеву, в сопоставлении стадий развития экосистем с этапами промышленного развития:

- *новаторская стадия* (придает экосистемам инновационную направленность, характеризуясь коммерциализацией новых технологических идей и решений); ей соответствует *начальный этап* промышленной революции;

- *стадия расширения экосистемы* (характеризуется превращением новых технологических решений в ключевой фактор выживания бизнеса, *перестройкой техно-логических цепочек* путем вхождения в новые динамично развивающиеся экосистемы);

- *стадия власти* (происходит централизация функций управления с уже имеющимся влиятельным координатором либо коллективным регулятором в виде сетевой структуры. По Муру, на этой стадии факторами успеха являются: регулярное обновление собственной продукции; характер новшеств, вызывающий заинтересованность в них партнеров по экосистеме; тесные информационные/кооперационные связи с участниками экосистемы). Знаменуется эта стадия *завершением промышленной революции* и переходом от революционного развития к эволюционному;

- *стадия реагирования на новые вызовы*, связанные с *зарождением очередной* технологической революции, грозящей сохранению статус-кво: экосистемам приходится выбирать либо между торможением принципиального обновления, либо между его использованием для формирования новых конкурентных преимуществ (Дементьев, 2018, с. 19–20).

В целом отличие просто системного подхода от экосистемного заключается в учете, помимо собственно системных свойств институтов и их носителей, также и *метасистемных*, определяемых не только внешними в их отношении моментами, но и взаимным переплетением собственно системных свойств и свойств примыкающей к системе метасистемы. В ситуации, когда это взаимное переплетение характеризуется функциональным единством института как системы и окружающей его метасистемы, речь можно вести об экосистеме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институты составляют суть институциональной экономики, но не сами по себе, а во взаимодействии со своими носителями – экономическими агентами, состоящими с ними в тех или иных отношениях.

В зависимости от того, каковы эти отношения, могут быть обозначены различные

проблемные ситуации и сформулированы разные проблемы.

Подчеркнута необходимость системного подхода к институтам как объектам, средам, процессам и проектам. Было предложено дополнить такую системность *фактором непредвиденных ситуаций*, в корне меняющим привычный ход событий и позволяющим выйти за рамки логики длинноволновой динамики.

Особое внимание было уделено экосистемным воззрениям на систему, сводящим институты и их носителей в функционально единую конструкцию. Учет всех этих новаций является вызовом для институциональной экономики – трудным, но подлежащим осмыслению и теоретическому анализу.

Резюмируя, напомним слова Камю из финального абзаца «Чумы»: «...вслушиваясь в радостные клики, идущие из центра города, Риэ вспомнил, что любая радость находится под угрозой. Ибо он знал то, чего не ведала эта ликующая толпа... что микроб чумы никогда не умирает... что он терпеливо ждет своего часа... и что, возможно, придет на горе и поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс и пошлет их околевать на улицы счастливого города».

Список литературы / References

- Глазьев С. (2018). Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир. 768 с. [Glazyev S. (2018). Leap into the future. Russia in new technological and world economic structures. Moscow: Knizhny mir. 768 p. (in Russian).]
- Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Greif A. (2013). Institutions and the Path the Modern Economy. Lessons from Medieval Trade. Moscow: Higher School of Economics Publ. House (in Russian).]
- Дементьев В. (2004). Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. № 3. С. 50–64. [Dementev V. (2004.). Economic power and institutional theory. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3, pp. 50–64 (in Russian).]
- Дементьев В.Е. (2018). Очередная промышленная революция и организация бизнеса // Львовские чтения – 2018: сборник статей VI Всероссийской научной конференции / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Изд. дом ГУУ. С. 17–21. [Dementev V.E. (2018). The next industrial revolution and organization of business. *Lvov readings – 2018: collection of papers of VI All-Russian scientific conference*. Ed. by RAS member-corr. G.B. Kleiner. Moscow, HSE Publ. House, pp. 17–21 (in Russian).]
- Ерзнкян Б.А. (2011). Новые явления и тенденции в институциональной экономике // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы международной конференции. Вып. 2. М.: ГУУ. С. 21–29. [Yerznkyan B.H. (2011). New phenomena and trends in institutional economics. *Institutional economics: development, teaching, applications: materials of the international conference*. Issue 2. Moscow: State University of Management (SUM), pp. 21–29 (in Russian).]
- Ерзнкян Б.А. (2017). Институциональное усиление: три типа отношений // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 1. С. 27–38. [Yerznkyan B.H. (2017). Institutional strengthening: Three types of relationships. *Journal of Institutional Research*, vol. 9, no. 1, pp. 27–38 (in Russian).]
- Ерзнкян Б.А. (2019). Дегуманизация институтов и ее последствия для социально-экономического развития // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2019: материалы Четвертой международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 20–22 июня): в 3 т. / Отв. ред. Е.Ю. Баженова. Т. 2. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2019. С. 61–72. [Yerznkyan B.H. (2019). Dehumanization of institutions and its implications for socio-economic development. *Interdisciplinarity in modern social and humanitarian knowledge – 2019: materials of the Fourth International Scientific Conference*

- (Rostov-on-Don, June 20–22,); in 3 vol. Resp. ed. E.Yu. Bazhenova. Vol. 2. Rostov-on-Don; Taganrog: SFedU, 2019, pp. 61–72 (in Russian).]
- Клейнер Г.Б. (2008). Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. Т. 6. № 3. С. 27–50. [Kleiner G.B. (2008). System paradigm and system management. *Russian Journal of Management*, vol. 6, no. 3, pp. 27–50 (in Russian).]
- Львов Д.С. (2002). Экономика развития. М.: Экзамен. [Lvov D.S. (2002). Development of economy. Moscow: Exam (in Russian).]
- Львов Д.С. (2008). Миссия России / под ред. С.Ю. Глазьева и Б.А. Ерзнкяна. М.: ГУУ. [Lvov D.S. (2008). Mission of Russia. S.Yu. Glaziev, B.H. Yernknyan (eds). Moscow: SUM (GUU) (in Russian).]
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с. [North D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Fund of the economic book “Beginnings”. 180 p. (in Russian).]
- Олейник А. (2011). Политэкономика власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. № 5. С. 19–33. [Oleinik A. (2011). Political economy of power: approaches to the analysis of relations between state and business in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 19–33 (in Russian).]
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело. [Perez K. (2011). Technological revolutions and financial capital. The dynamics of bubbles and periods of prosperity. Moscow: Delo (in Russian).]
- Райнерт Э.С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Reinert E.S. (2011). How rich countries got rich... And why poor countries stay poor. Moscow: Publ. House of Higher School of Economics (in Russian).]
- Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело. [Hodgson G. (2003). Economic Theory and Institutions: A Manifesto of Modern Institutional Economic Theory. Moscow: Delo (in Russian).]
- Ходжсон Дж. (2008). Эволюционная и институциональная экономика как новый мейнстрим?: пер. с англ. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 6. № 2. С. 8–21 [original: Hodgson G.M. (2007). Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? *Evolutionary and Institutional Economics Review*, vol. 4, no. 1, pp. 7–25 (in Russian).]
- Frey B.S. (2009). Economists in the PITS? CESinfo Working Papers. March, no. 2594.
- Lawson T. (2005). The Nature of Institutional Economics. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, vol. 2, no. 1, pp. 7–20.
- Hodgson G.M. (2006). Characterizing Institutional and Heterodox Economics – A Reply to Tony Lawson. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, vol. 2, no. 2, pp. 213–223.
- Moore J. (1996). The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York: Harper Business.
- North D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Fund of the economic book “Beginnings”. 180 p. (in Russian).
- North D.C. (1981). Structure and change in economic history. N.Y.: Norton.
- North D.C., Thomas R.P. (1973). The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press.
- Williamson O.E. (2000). The new institutional economics: taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, vol. 38, no. 3, pp. 595–613.
- Yernknyan B.H. (2017). Strategizing as an Institutional Process. *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia: Collection of Scientific Works*. Ed. by B.H. Yernknyan. Issue 41. Moscow: CEMI, Russian Academy of Sciences, pp. 88–108.
- Yernknyan B.H., Fontana K.A. (2019). Water reuse and its regulation in Russia and abroad. Materials of the International Conference “Scientific research

of the SCO countries: synergy and integration” (Reports in English). July 12, Beijing, pp. 16–23.
DOI: 10.34660/INF.2019.12.33.342

in theory, problems and prospects of theory development, pandemic, ecosystem approach to institutions.
Classification JEL: A12, B41, B52.

Рукопись поступила в редакцию 27.07.2021 г.

Manuscript received 27.07.2021

INSTITUTIONAL ECONOMY DEVELOPMENT PROBLEMS

B.H. Yerznkyan

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-40-48

Bagrat H. Yerznkyan, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, State University of Management, Moscow, Russia; lvova1955@mail.ru

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 19-18-00335.

The development of institutionalism was not limited to the transition from the old theory to the new one: time is changing, the behavior of economic agents – carriers, voluntary or involuntary, of the institutions, whether formal or informal, is changing, – institutions that, in turn, are themselves the object of changes. This nature of the object under study poses a difficult task for researchers: to identify, with the help of changing (developing, adapting) tools, the essence of the modern institutions and the ones that can take place in the future, which is in a state of permanent development (evolution). The article describes the system logic of institutions, the reasons for institutional changes, especially caused by the current pandemic, highlights the problems and prospects for the development of the institutional economics from an ecosystem perspective. The latter circumstance presupposes going beyond the purely systemic approach to the study of the institutional system by including the features of the interaction of the system under study with the relevant meta-system, which forms a functional unity with the system and, therefore, is interpreted in aggregate as an ecosystem.

Keywords: institutional economic theory, system logic of institutions, carriers of institutions, changes in reality and